

—
Вчера был сильный снегопад, но ветра было мало. Снег на дороге не сдуло, и колеса машин снова и снова катились по нему, и к утру на дороге образовалось полфута черной грязи.

Пань Сяочжуо завез своего младшего брата в детский сад, и к тому времени, как он сел в автобус, было уже немного поздно. В это время по утрам большинство автобусов заполнены студентами, но студентов из школы Пань Сяочжуо было немного.

В конце концов, большинство из них поступили, заплатив высокую плату за обучение. Такие, как Пань Сяочжуо, которые поступили сами и были освобождены от платы за обучение, составляли лишь небольшую часть. Немногие из тех, кто мог позволить себе такую высокую плату за обучение в частной школе, стали бы зимой ждать автобус на холодном ветру.

Пань Сяочжуо некоторое время повторял слова в автобусе. У него в кармане был портативный словарик, который он носил с собой каждый день, стараясь запомнить несколько слов, когда появлялась свободная минутка. Кто-то в автобусе ел паровые булочки, и запах мясных булочек разносился по всему салону. Пань Сяочжуо утром не успел позавтракать, и теперь, чувствуя запах булочек, он ощутил пустоту в желудке.

На дороге был снег, и автобус не мог ехать быстро. К тому моменту, как автобус добрался до остановки у школы, до звонка оставалось всего три минуты. Из задней части автобуса раздалось шипение, дверь медленно открылась, и Пань Сяочжуо поспешно выпрыгнул.

Ему нужно было поторопиться. Если его поймут за опоздание, ему придется стоять в караульном помещении внизу в вестибюле весь утренний урок самоподготовки, где его будут видеть проходящие мимо учителя и руководство школы. Пань Сяочжуо очень этого боялся, каждый взгляд, брошенный на него, заставлял его чувствовать себя неловко, он не знал, куда деть руки и куда смотреть.

Однако сегодня ему просто не везло, и ему суждено было не успеть войти в здание до звонка.

Как только он вышел из автобуса, прежде чем он успел сделать шаг, сзади внезапно появился электроскутер. Дядя на скутере крикнул: «Эй, эй!» Пань Сяочжуо в панике попытался спрятаться в сторону, но ему это не удалось.

Когда он вошел в школьные ворота через боковую дверь, пуховик Пань Сяочжуо был наполовину мокрым от черной грязи, как и его рюкзак. Он пытался стряхнуть грязь, но только испачкал одежду еще больше, и его руки, испачканные снегом, замерзли и заболели.

Проходя через спортивную площадку, Пань Сяочжуо подумал, что сегодня ему придется не только стоять у двери караульного помещения, но и стоять там в этом грязном, жалком виде. Он беззвучно вздохнул про себя, чем больше чего-то боишься, тем сложнее этого избежать.

«Очкарик!»

Кто-то окликнул его сзади. Когда Пань Сяочжуо услышал этот голос, его сердце сжалось еще сильнее, но он все равно инстинктивно обернулся.

«Ого, упал, что ли?» — сказал парень в бейсболке, жуя жвачку, рядом с двумя другими парнями, несшими мусорный бак. В его словах была насмешка. «Ты весь в грязи, как бродячая

собака».

Пань Сяочжуо стоял на месте, наблюдая, как они приближаются, поджал губы и ничего не сказал.

«Упал?» — спросил другой высокий парень рядом, взглянув на него.

Из этих троих Пань Сяочжуо меньше всего боялся именно его, остальных двоих Пань Сяочжуо боялся. Сначала Пань Сяочжуо боялся и этого, но теперь он подружился со своим одноклассником, и этот парень был братом его одноклассника, так что он видел его каждый день и перестал бояться.

Пань Сяочжуо что-то промычал и опустил голову, прислушиваясь к приближающимся шагам троих людей.

«И еще опоздал. Подожди, будешь стоять у входа в этой одежде, встречая и провожая всех. После утренней самоподготовки с тебя стечет полкило воды», — снова сказал парень в кепке. Его речь всегда имела какой-то наглый тон.

Веки Пань Сяочжуо опустились еще сильнее, он даже подумал, не постоять ли ему лучше снаружи, а потом войти после утренней самоподготовки.

«Или назови меня Гэ, и Нань Гэ тебя проведет», — снова сказал парень в кепке.

Пань Сяочжуо взглянул на него, но все равно ничего не сказал.

«Тогда стой, работай швейцаром все утро, и будешь капать черной водой», — усмехнулся Цзи Нань, и жвачка щелкнула.

«Заткнись», — сказал парень в белой куртке, шедший с самого края.

«Или можешь назвать его», — Цзи Нань поднял подбородок, указывая на парня в белой куртке, и сказал Пань Сяочжуо. «Назови его Кай Гэ, и пусть Кай Гэ проведет тебя».

Пань Сяочжуо быстро взглянул, парень в белой куртке даже не смотрел на него. Он отвел взгляд и, наконец, посмотрел на самого знакомого ему парня посередине, назвав его «Чи Гэ».

Чи Чэн поднял крышку мусорного бака и жестом указал Пань Сяочжуо. Пань Сяочжуо мгновенно понял, быстро снял рюкзак и бросил его в бак.

Бак не был совсем пустым, рюкзак Цзи Наня тоже был внутри.

Цзи Нань сам опоздал, видя, что опаздывает, он позвал этих двух друзей из класса естественных наук, чтобы вынести мусор, чтобы он мог проскользнуть внутрь вместе с ними.

Пань Сяочжуо следовал за ними тремя, отставая от них на десять сантиметров в росте, как маленький хвостик.

«Один бак для четырех человек, что ли?» — бросил на них взгляд дежурный, ловивший опоздавших.

Пань Сяочжуо вздрогнул, Цзи Нань усмехнулся «хе-хе» и ответил: «Ага, доброе утро, директор Чжао! Наш класс дежурит на этой неделе, мы убираем территорию».

Директор Чжао холодно фыркнул, явно не собираясь всерьез ругаться с ним: «Вы не из одного класса, и вы дежурите?»

Цзи Нань снова улыбнулся: «Спасибо, директор! Вы так усердно работаете!»

«Убирайся!» — директор Чжао закатил глаза и отпустил их.

Пань Сяочжуо даже головы не смел поднять, тихонько следовал за ними. Когда они дошли до своего этажа, он снял свой испачканный грязью пуховик и вытащил рюкзак из мусорного бака. Цзи Нань уже ушел, Пань Сяочжуо опустил голову и сказал «спасибо» Чи Чэну и Ши Каю.

«Ничего, заходи», — сказал кто-то. Голос был негромким, Пань Сяочжуо нервничал, а голоса тех двоих были низкими, поэтому он не разобрал, кто это сказал.

В классе не было учителя. Пань Сяочжуо, неся одежду и рюкзак, сел за парту, укутанный холодом.

Сосед по парте водил пальцами по своей книге, услышал, как Пань Сяочжуо сел, и обернулся, спросив: «Ты пришел, Сяочжуо? Тебя не поймали за опоздание?»

Пань Сяочжуо долго выдохнул и тихо ответил: «Чуть не поймали! Я встретил твоего брата и его друзей, и вошел с ними».

«Моего брата? Что он там делал?» — Тао Хуайнань моргнул своими пустыми большими глазами и спросил.

«Он выносил мусор», — сказал Пань Сяочжуо.

Тао Хуайнань сразу понял, усмехнулся и спросил: «Он и Кай Гэ? И Нань Гэ, наверное?»

Пань Сяочжуо кивнул, потом вспомнил, что тот не видит, и добавил: «Ага».

«Отличная идея, если когда-нибудь опоздаешь, скажи мне заранее, я заставлю их вынести мусор», — усмехнулся Тао Хуайнань. «Такое мог придумать только Нань Гэ».

Пань Сяочжуо и помыслить об этом не мог, кого он смел командовать? Кроме Чи Чэна, остальные двое были его кредиторами.

Когда Пань Сяочжуо учился в первом классе старшей школы, он поскользнулся в столовой, и весь его поднос оказался на тех двоих. Эта сцена была слишком кошмарной для Сяочжуо, который боялся социализации. До сих пор, вспоминая об этом, ему становится трудно дышать, он не может долго об этом думать.

Тогда Цзи Нань потребовал с него четыре тысячи юаней. Сяочжуо был очень беден, его расходы за семестр составляли всего шесть тысяч, а четыре тысячи были почти тремя месяцами его жизни.

В конце концов, Цзи Нань и Ши Кай не взяли эти четыре тысячи. Цзи Нань просто пугал его, у него был скверный характер. Пань Сяочжуо долго носил с собой ту пачку денег, снова и снова приносил ее в их класс. То, что он не мог отдать деньги, не приносило ему облегчения; то, что деньги не были отданы, означало, что дело так и не было закрыто. Он никогда не связывался с этими богатыми парнями в школе, да и не мог.

Из-за этого Пань Сяочжуо весь тот семестр был на нервах, его сердце подпрыгивало при виде

этих парней, он постоянно колебался между тем, чтобы подойти и отдать деньги, и тем, чтобы держаться подальше.

Теперь он сидел за одной партой с Тао Хуайнанем, и видел этих людей чаще. Хотя он не так сильно боялся их, как вначале, он все еще не решался с ними разговаривать.

«Чжуо-эр, кажется, у меня на лице что-то пушистое, или это волосы?» — Тао Хуайнань коснулся его запястья и поднес лицо поближе. «Ты видишь? У меня там все время чешется».

Пань Сяочжуо повернул голову, чтобы посмотреть на него, придержал его голову, слегка повернув к окну, к свету.

«Тонкий волосок, с твоей шапки», — Пань Сяочжуо только хотел убрать его, но, протянув руку, вспомнил, что утром он падал и вытаскивал рюкзак из мусорного бака, и еще не мыл руки. Он взял со стола ручку и кончиком колпачка убрал белый волосок с его лица.

Тао Хуайнань не видел, он был слепым. После разделения на классы Пань Сяочжуо сел с ним за одну парту, это было предложение Пань Сяочжуо.

Тао Хуайнань не раз выручал его, он был очень мягким человеком.

Слепой человек в обычной школе — это практически невозможно. Он не видел ни доски, ни книг, но семья Тао Хуайнаня много лет настаивала на том, чтобы он учился в обычной школе, не желая, чтобы он чувствовал себя частью особой группы.

Эта пара соседей по парте очень хорошо ладилась. Пань Сяочжуо был социально тревожен на публике, но наедине с Тао Хуайнанем он был довольно раскован. Они разговаривали каждый день, на переменах и иногда на уроках. Учителя ничего не могли с ними поделать: Пань Сяочжуо был лучшим учеником в классе, а Тао Хуайнань был всеобщим любимцем, поэтому учителя не осмеливались ругать их за тихие разговоры во время уроков.

«Ты поел, Чжуо-эр?» — спросил Тао Хуайнань.

«Нет, утром нужно было отвезти младшего брата, не успел», — сказал Пань Сяочжуо.

Тао Хуайнань нащупал что-то в ящике стола, протянул и сказал: «Я так и знал, что у тебя сегодня не будет времени позавтракать, принес тебе утром».

Пань Сяочжуо улыбнулся, не стал церемониться, взял и сказал: «Спасибо, сосед по парте».

На утренней самоподготовке без учителя Пань Сяочжуо, повторяя географию, съел кусочек рисового пирога со вкусом молока, держа его через пластиковый пакет, он был еще теплым.

Тао Хуайнань тоже не любил много разговаривать на публике. Хотя его характер не был замкнутым, слепой человек все равно чувствовал себя неуверенно в многолюдной обстановке. Пань Сяочжуо всегда позволяет ему сидеть внутри, а также брал его с собой на уроки физкультуры и в туалет. Этот длинный ряд столов был для них своего рода защитным слоем, и внутри столов было безопасно.

Они знали много секретов друг друга.

Например, Пань Сяочжуо знал, что Чи Чэн не был родным братом Тао Хуайнаня, и что Тао Хуайнань и Чи Чэн были не просто братьями, они были очень близки.

Тао Хуайнань знал, что Пань Сяочжуо с детства жил у тети, знал, что Пань Сяочжуо лишился отца в очень раннем возрасте, а его мать уехала в другой город, снова вышла замуж и больше никогда не навещала его.

У Пань Сяочжуо не было своей комнаты, он спал на диване в гостиной. В трехкомнатной квартире тети площадью сто квадратных метров одна комната была для тети и дяди, одна для сестры, и изначально была еще одна комната для Сяочжуо, но позже тетя родила младшего брата, бабушка приехала ухаживать за младшим братом, и Сяочжуо сам переехал.

Каждый вечер ему приходилось выносить одеяло, ждать, пока все уснут, а затем выключать свет и ложиться спать. Утром ему приходилось умываться до того, как все проснутся, иначе ванной не хватало.

Бабушка недавно вернулась в свой родной город, чтобы заняться делами с домом, поэтому утром Пань Сяочжуо сам отводил младшего брата в детский сад. Младший брат был очень послушным, характером немного похожим на Сяочжуо, не любил разговаривать.

Вечером перед возвращением домой Пань Сяочжуо сдал пуховик в химчистку, а рюкзак мог постирать сам дома, но пуховик сам он постирать не мог. Стирка пуховика стоила тридцать юаней. Пань Сяочжуо заплатил деньги и пошел домой в школьной форме, размышляя по дороге, что это падение обошлось ему в тридцать юаней ни за что.

Но по сравнению с теми четырьмя тысячами в прошлом году, это, кажется, уже ничего.

Вспомнив те не отданные четыре тысячи юаней, Пань Сяочжуо снова подумал о двух своих кредиторах. Сяочжуо потер лицо и, опустив голову, пошел немного быстрее.

Каждое утро, держа младшего брата за руку, он отводил его в детский сад. Если он приводил его слишком рано, детский сад еще не открывался, поэтому каждый день после того, как он отводил младшего брата, Пань Сяочжуо очень торопился.

В следующие несколько дней он спешил изо всех сил, чтобы успеть забежать в здание до звонка. В пятницу детский сад открылся на несколько минут позже, и автобус пропустил один рейс, поэтому в тот день он снова не успел.

Пань Сяочжуо должен был пройти через футбольное поле и учебный корпус. Он только добежал до футбольного поля, как уже услышал звонок. На лице Пань Сяочжуо не было никаких эмоций, но в душе он мучительно застонал: «Ах!» — он бежал всю дорогу, его грудная клетка была ледяной, он наглотался холодного воздуха, но все равно не успел.

Для социально тревожного мальчика стоять там было по-настоящему ужасно.

«Снова опоздал?» — раздался голос сзади. Пань Сяочжуо обернулся и увидел Ши Кая, несущего большую метлу для уборки снега. Рядом с ним был еще один парень, которого Пань Сяочжуо не знал. Они разговаривали, Ши Кай слегка наклонил подбородок, показывая, что слушает, и с улыбкой посмотрел на Пань Сяочжуо.

Сяочжуо был в отчаянии, и теперь, увидев его, он не так сильно нервничал, как обычно, опустил веки и издал звук «м-м».

Ши Кай и тот парень подошли, Пань Сяочжуо не последовал за ними. Он стоял, опустив голову, все еще тревожась о предстоящем наказании, но Ши Кай прошел несколько шагов, увидел, что он не следует за ним, и обернулся, сказав: «Иди за нами».

Пань Сяочжун растерянно посмотрел на него, у Ши Кая была только метла, и никакого бака, так что следовать за ним не было смысла.

Ши Кай приподнял бровь и с улыбкой спросил: «Ты не осмеливаешься следовать за мной без Чи Гэ?»

Пань Сяочжун на мгновение замер, инстинктивно покачал головой.

Ши Кай очень красиво смеялся, улыбка могла отражаться в уголках его глаз, брови и уголки глаз становились очень мягкими, не такими, как обычно, немного наглыми.

Пань Сяочжун слегка поскреб указательным пальцем сторону большого пальца и быстро пошел, догоняя их.

Ши Кай разговаривал со своим одноклассником, Пань Сяочжун следовал за ними, не привлекая внимания. За следующим поворотом они должны были войти в здание, и в голове Пань Сяочжуна уже прокручивалась сцена, как его спросят, из какого он класса и как его зовут.

«Рюкзак», — сказал Ши Кай.

Пань Сяочжун только тогда пришел в себя и увидел, как Ши Кай отдал метлу однокласснику, расстегнул молнию и снял куртку. Под ней на нем не было школьной формы, только белая футболка. При минус двадцати градусах, сняв куртку, он мгновенно съежился, и по его шее пошли мурашки.

Пань Сяочжун не понимал, почему он раздевается на улице, и вздрогнул, уставившись на него через очки.

Ши Кай, выдыхая белый пар, протянул руку и схватил его рюкзак, его голос дрожал от холода: «Быстрее! Если будешь смотреть еще немного, Кай Гэ замерзнет здесь насмерть».

Пань Сяочжун тупо смотрел, как Ши Кай вешает его рюкзак на себя задом наперед, а затем быстро снова надевает куртку.

Сегодня Ши Кай был одет в светло-серый пуховик, очень большой и свободный, такие сейчас очень модны. Высоким и стройным парням все идет, такую куртку без роста метр восемьдесят, наверное, и не наденешь. Пань Сяочжун подумал, что в этой куртке поместилось бы два таких, как он.

Ши Кай застегнул молнию, снова взял метлу и, взглянув на Пань Сяочжуна, сказал: «Следуй за мной».

Сегодня опоздавших ловил директор по безопасности. Пань Сяочжун, опустив голову, вошел вслед за Ши Каем, его сердце колотилось. Директор по безопасности, увидев, что они несут метлы для уборки снега, даже не взглянул на них, а просто продолжил смотреть в свой телефон.

Рюкзак Пань Сяочжуна через тонкую футболку прижимался к животу Ши Кая. Ши Кай, поднимаясь по лестнице, «шипел»: «Морозит мне живот».

Пань Сяочжун не знал, что сказать, он мог только смотреть на него.

Они поднялись на их этаж, Ши Кай не собирался останавливаться. Пань Сяочжун стоял у

лестничной клетки и смотрел на него, а Ши Кай уже собирался подниматься дальше.

Пань Сяочжуо ничего не оставалось, кроме как заговорить. Назвать его было бы неуместно, поэтому он лишь тихо напомнил: «Мой рюкзак...»

Ши Кай только тогда вспомнил, остановился и, снимая куртку, протянул ему рюкзак. Пань Сяочжуо потянулся, чтобы взять его, но Ши Кай поднял руку, не давая ему дотянуться: «Спасибо, Кай Гэ».

Пань Сяочжуо моргнул, на его очках все еще был непрозрачный белый иней. Он кряхтел пару секунд, затем опустил взгляд на ноги Ши Кая и добавил: «Спасибо... Кай Гэ».

«Иди», — Ши Кай с улыбкой отдал ему рюкзак и повернулся, чтобы продолжить подъем по лестнице.

Пань Сяочжуо обнимал свой рюкзак, от которого исходило тепло, впитанное от тела и одежды Ши Кая.

Сяочжуо держал этот рюкзак весь утренний урок самоподготовки. Он не делал этого специально, просто, взяв книги, он задумался и забыл его убрать.

К обеду Тао Хуайнань позвал Пань Сяочжуо в столовую, чтобы он ел вместе с ними. Сяочжуо привычно сел рядом с Тао Хуайнанем, напротив сидели Ши Кай и Чи Чэн.

Ши Кай сделал несколько укусов и перестал есть. Сяочжуо сидел напротив него, вспоминая утренние события, и не смел поднять голову.

«Не ешь?» — спросил Чи Чэн Ши Кая. «У тебя разве не болит живот?»

«Не могу есть, рис слишком жесткий», — сказал Ши Кай.

«У Кай Гэ болит живот?» — Тао Хуайнань повернул голову в сторону Ши Кая.

«Немного, ничего», — Ши Кай взглянул на Пань Сяочжуо, который все время сидел, опустив голову, и с улыбкой сказал: «Он просто замерз».

Тао Хуайнань только услышал легкий стук ложки Пань Сяочжуо о тарелку рядом.

Пань Сяочжуо поспешно поднял голову, чтобы посмотреть на Ши Кая, его глаза за очками были широко раскрыты, он смотрел на него с легким испугом, а в глазах читались смущение и вина.

«Почему замерз? Ты легко оделся?» — заботливо спросил Тао Хуайнань сбоку.

Ши Кай встретился взглядом с Пань Сяочжуо. Увидев на лице Пань Сяочжуо выражение «Я снова попал в беду», он рассмеялся.

Ши Кай сказал: «Наверное, легко оделся».

Пань Сяочжуо некоторое время смотрел на Ши Кая, затем подумал о школьном портфеле, который тот нёс утром, и рассеянно съел свою порцию.

После этого, чтобы не опаздывать по утрам, Пань Сяочжуо каждый день вставал на полчаса раньше, чтобы собраться, и заодно пытался разбудить младшего брата пораньше. Но младший

брат всегда был избалован, Сяочжуо не мог его разбудить, а если слишком настойчиво будил, младший брат начинал горько плакать в постели. Сяочжуо очень боялся его плача, каждый ребенок, живущий в чужом доме, боится плача детей хозяев, даже если тетя и не будет его за это ругать.

Младший брат, словно назло, чем больше Сяочжуо хотел, чтобы он поскорее вышел, тем больше тянул до последней минуты. Сяочжуо нервничал, но ничего не мог сказать. Он не мог сказать тете, что не пойдет отводить его, и не мог грубо приказать младшему брату поторопиться.

Ему оставалось только каждый день учиться усерднее, чем в предыдущий, он очень хотел поступить в университет.

—

<http://bllate.org/book/12843/1131944>